Центральное Товарищество Льноводовъ.

Н. П. Огановскій.

ГЕРМАНСКІЙ МИРЪ—

русскому крестьянству петля.

МОСКВА.
Изданіе Центральнаго Товарищества Льноводовъ.
1918.

Германскій миръ—русскому крестьянству петля.

Есть сказка про царство иванушекъ-дурачковъ. Жили себѣ иванушки-дурачки—сѣрые мужички въ своемъ сермяжномъ царствѣ безъ власти, безъ начальства, пахали землю, никого не безпокоили. Но вотъ задумалъ сосѣдній грозный царь таракапскій на нихъ войной идти; посылаетъ онъ войско на землю иванушекъ. У границы ждетъ тараканово воинство солдатъ иванушкиныхъ. Ждали пождали—нѣтъ ихъ, какъ нѣтъ. Вошли въ землю иванушекъ, стали деревни грабить жечь-палить, скотину и хлѣбъ себѣ забирать, мужиковъ и дѣвокъ красныхъ въ полонъ угонять. А иванушки только знай, плачутъ, на колѣни передъ таракановыми воинами становятся, да сами сундуки свои открываютъ: забирайте вороги лютые, все, что есть у насъ самое драгоцѣнное. И скучно стало таракановскимъ солдатамъ надъ такимъ беззащитнымъ народомъ насильничать: «все равно, что кисель рѣзать». Взбунтовались они противъ своихъ начальниковъ, перевязали ихъ, да перебили, отказались идти вглубь царства иванушкинаго, повернули назадъ къ себѣ домой, а тамъ самого царя своего таракапскаго свергли съ престола и у себя завели такіе же порядки, какіе въ иванушкиномъ царствѣ были.

Товарищи-крестьяне! Такова сказка, которой и не всѣ малые ребята повѣрятъ. А вотъ нынѣшніе властители земли русской—совѣтъ народныхъ комиссаровъ, сумѣли увѣрить въ этой сказкѣ весь народъ, поучили ему, что грозный императоръ германскій, какъ въ сказкѣ царь таракапскій, ничего не сдѣластъ съ Россіей, если мы перестанемъ воевать съ германцами.

Увѣровали въ эту сказку солдаты, что будто бы нѣмецкіе солдаты не будутъ съ нами воевать, свергнутъ сами своего царя, и наша многомилліонная армія разбѣжалась по домамъ.

Осталась родина наша безъ всякой защиты.

А когда страна наша осталась беззащитной—пошли, по приказу своего императора, послушные ему желѣзные полки нѣмцевъ въ глубь Россіи. И чтобы сохранить не родину—нѣтъ, а свою совѣтскую власть, поторопились комиссары подписать въ Брестѣ съ вражескими державами миръ, условія котораго нынѣ въ Москвѣ утвердилъ 17-го марта «всероссійскій съѣздъ совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ».

Родина-мать—единая великая Россія этимъ миромъ *растерзывается на куски.*

1) Прежде всего, отъ нея совсѣмъ отрѣзаются слѣдующія *западныя* области:

а) одинадцать губерній Польши (съ Холмской г.) съ площадью	11,6 мил. дес,	населен. 13,3	мил. душъ.
б) три губерніи Литвы.....	11,1 „ „	6,1 „	„
в) три прибалтійскихъ губерніи.	8,4 „ „	3,1 „	„
Всего..	31,1 мил. дес.,	населен. 22,5	мил. душъ

г) Кромѣ того, на западѣ поляки и нѣмцы хотятъ забрать и *Бѣлоруссію*—губерніи: Витебскую, Минскую и Могилевскую, если не цѣликомъ, то большую ихъ половину. Сейчасъ онѣ заняты непріятелемъ. До сихъ поръ не знаемъ, какъ проходитъ по картѣ, намѣченная германскимъ договоромъ граница, потому что большевистская власть эту карту не опубликовала. Въ этихъ губерніяхъ — 16,8 милліоновъ дес. и 7,8 милліоновъ душъ населенія.

2) На *сѣверѣ* навсегда отходитъ отъ насъ бывшее княжество финляндское съ 30 милліонами десятинъ и 3,3 милліонами жителей. Теперь непріятельская граница подходитъ къ Петрограду съ запада на 145 верстъ, а съ сѣвера на 40 верстъ; поэтому Петроградъ столицей государства больше не можетъ оставаться. Милліарды народнаго труда и средствъ, вложенныхъ въ нашу сѣверную столицу, всѣ эти государственныя зданія, дворцы, соборы, гавани и прочія сооруженія пропадутъ задаромъ, или, въ концѣ-концовъ, окажутся въ рукахъ нѣмцевъ.

Кромѣ того финляндцы уже заявляютъ претензіи на часть Петроградской, Олонецкой и Архангельской губ., на-

селенныхъ ихъ родичами—карелами, а большевики отдали имъ по договору часть сѣвернаго побережья на Мурманѣ.

3) На *югѣ* отъ Россіи отпадаетъ:

а) Украинская народная республика. Границъ Россіи съ этой новой республикой мы опять не знаемъ, но навѣрное къ ней отходятъ 9 губерній, населенныхъ главнымъ образомъ украинцами (малороссами)—Кіевская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская. Въ этихъ богатѣйшихъ губерніяхъ, съ самымъ лучшимъ въ Европѣ черноземомъ находится 47,2 милліона дес. и 33,3 милліона населенія.

Кромѣ того, можетъ быть, къ Украинѣ отойдутъ части Курской и Воронежской губ.,а также часть Донской области, изъ которыхъ въ первой—украинцевъ четвертая часть, во второй,—примѣрно, около двухъ пятыхъ. Въ общемъ, должно быть, 8 или 10 уѣздовъ.

б) Затѣмъ, на югѣ же румыны забрали себѣ плодородную *Бессарабскую* губернію, населенную большею частью ихъ родичами молдаванами; за ними она, надо думать, и останется. Въ ней—4,1 милл. дес. и 2,7 милліоновъ душъ населенія.

4) Наконецъ, на *Кавказѣ*, по договору, турки «самоопредѣляютъ» Батумскую область, Карскій и Ардаганскій округа. Земли тамъ всего 1,7 милл. дес. и около полумилліона населенія. Но въ нихъ находятся три главныхъ кавказскихъ крѣпости, защищавшихъ отъ турокъ доступъ въ грузинскія и армянскія области Закавказья. Если эти крѣпости будутъ отданы—все Закавказье останется безъ защиты. Въ Батумъ проведенъ керосинопроводъ, изъ Баку нашъ керосинъ потечетъ прямо въ нѣмецкіе пароходы.

Но и этого мало: міровая война идетъ вѣдь не только между Австро-Германіей и Россіей; она идетъ между двумя союзами: великихъ державъ западной Европы и американскимъ, съ одной стороны, въ который входятъ 12 государствъ съ Англіей, Франціей, Соединенными Штатами во главѣ и средне-европейскимъ—съ другой изъ Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи,—борьба *за міровое владычество*. Этотъ миръ, который подписали большевики, отдаю-

щій въ сущности, всю Европейскую Россію, а можетъ быть и Кавказъ, во власть средне-европейскаго союза, нарушаетъ *міровое равновѣсіе*. Тогда великая срединная Имперія можетъ стать владычицей міра. Чтобы этого не произошло, чтобы насколько можно, возстановить міровое равновѣсіе, западно-европейское согласіе должно будетъ забрать наши азіатскія окраины—*Сибирь* и *Туркестанъ* и, можетъ быть, сѣверъ Европейской Россіи—Архангельскую, Вологодскую, Вятскую и Пермскую губерніи и отбить у германо-турокъ Кавказъ. Такъ произойдетъ *расхватъ Россіи*, начало котораго положено 3-го марта брестскимъ договоромъ.

Что же изъ этого расхвата получится для нашего великорусскаго крестьянства?

I. Гибель земельной реформы.

«Кормилица-матушка земля сырая», думали крестьяне. «Сколько лѣтъ мы тебя дожидались—вотъ пришелъ, наконецъ, слушной часъ». Свѣтозарной бурей промчалась по всей землѣ великая русская революція, смела въ одночасье царскій тронъ и самодержавную власть чиновниковъ да помѣщиковъ и написала на знамени «*Земля и воля трудовому народу*».

Многіе мужики поумнѣе и посерьезнѣе уже въ первые мѣсяцы революціи стали думать не о томъ, чтобы вотъ сейчасъ *захватить* всю господскую землю, которая стала безпризорной, беззащитной, да разграбить господскія владѣнія, а о томъ, какими способами, какими *законами* установить порядокъ развертанія этой земли между всѣми крестьянами, нуждающимися въ землѣ. Потому что, на самомъ дѣлѣ, земли удобной для сельскаго хозяйства у владѣльцевъ-не крестьянъ вовсе не такъ много; если выбросить лѣса, да имѣнія, которыя дѣлить нельзя (свекловичныя, сѣмянныя, племянныя нужныя для всего народа хозяйства и другія), такъ наберется всего 50—55 милліоновъ десятинъ владѣній свыше трудовой нормы. А нуждается въ землѣ не менѣе 9 милліоновъ хозяйствъ—около 50 милліоновъ душъ крестьянъ малоземельныхъ и безземельныхъ, которымъ, чтобы довести ихъ землепользованіе только до 10 дес. на хозяйство, нужно прирѣзать около *60 милліоновъ десятинъ*.

Правда, недостающія земли можно было бы найти частью въ Сибири, частью на юго-востокѣ Россіи послѣ орошенія сухихъ мѣстъ, но для всего этого нужно время и большія затраты казны на подготовку земель для переселенія. И внутри Европейской Россіи пришлось бы устраивать большія переселенія изъ центральныхъ *густо* населенныхъ губерній, какъ напримѣръ, Курская, Тамбовская, или украинскія, въ которыхъ не хватаетъ земельныхъ запасовъ,—на востокъ въ Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую, или на югъ—въ Таврическую и Херсонскую, гдѣ населеніе рѣдко, а *избыточныя земли въ изобиліи*. Пришлось бы передвинуть изъ середины Россіи на окраины не меньше милліона хозяйствъ.

Наконецъ, и внутри Россіи имѣнія лежатъ неравно: въ одномъ мѣстѣ густо, въ другомъ пусто, и пять-шесть волостей изъ одного уѣзда могутъ завладѣть чуть ли не всѣми его помѣщичьими имѣніями. При отсутствіи законовъ и земельныхъ порядковъ, при голомъ расхватѣ земель, который начался особенно съ октябрьскаго переворота, когда захватили въ свои руки власть большевики,—пошла по мѣстамъ неположщина между самими крестьянами.

Но, пока не было мирнаго договора, можно было надѣяться, что настанетъ въ Россіи такое время, когда утвердится, наконецъ, *всенародная* власть, которую признаютъ всѣ области и всѣ народы Россіи и тогда они *всѣ* будутъ повиноваться единому основному *закону* о землѣ, устанавливающему общія правила для всѣхъ мѣстностей. Ясное дѣло, что земельная реформа требовала *всероссійскаго* рѣшенія. Теперь, когда Россію растерзываютъ на клочки,—конечно, самарцы не пустятъ къ себѣ тамбовцевъ, сибиряки—украинцевъ, оренбуржцы—пензенцевъ.

Но, можно бы было надѣяться, что по крайней мѣрѣ, хоть внутри Великороссіи и внутри Украины господскія земли перейдутъ къ крестьянамъ. На это надѣялись, въ это вѣрили тѣ солдаты-крестьяне въ сѣрыхъ шинеляхъ, которые говорили въ отвѣтъ тѣмъ, кто ихъ уговаривалъ воевать: «Мы пензенскіе, или тамбовскіе. До насъ ерманъ не достанетъ».

Такъ слушайте вы, пензенскіе и тамбовскіе, что

«германъ» теперь дѣлаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ взялъ!...

Въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцы разоружали и разстрѣливали батраковъ, выгоняли крестьянъ изъ помѣстій и возвращали ихъ владѣльцамъ—нѣмецкимъ баронамъ.

Въ Минской и Могилевской губерніяхъ нѣмцы разыскиваютъ членовъ земельныхъ комитетовъ, чтобы ихъ разстрѣлять. У крестьянъ они отбираютъ весь хлѣбъ и скотъ: свиней, лошадей, куръ, гусей. Отбираютъ и сѣмена, оставляя по пуду на ѣдока, по одной лошади и коровѣ.

Въ Полоцкѣ они издали приказъ, въ которомъ, между прочимъ говорится: «Всѣ разграбленныя и отчужденныя по распоряженію продовольственныхъ и земельныхъ комитетовъ имѣнія или вырученныя за нихъ суммы должны быть возвращены владѣльцамъ въ теченіе трехъ сутокъ».

Въ Литвѣ недавно введены принудительныя работы крестьянъ въ господскихъ имѣніяхъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ штабъ нѣмецкой дивизіи выпустилъ воззваніе, въ которомъ говорится, «мы, нѣмцы, пришли *возстановить частную собственность и культуру*». Во всѣхъ деревняхъ нѣмцы устанавливаютъ прежніе порядки. Разгоняются земельные комитеты, помѣщики приглашаются въ свои усадьбы, въ цѣломъ рядѣ имѣній нѣмцы арестовали членовъ земельныхъ комитетовъ, вернувъ прежнихъ управляющихъ имѣніями.

Изъ имѣній Двинскаго и Рѣжицкаго уѣздовъ германцы выгоняютъ захватившихъ землю крестьянъ и *предлагаютъ помѣщикамъ возобновить веденіе хозяйства.*

Въ Бессарабіи румыны установили особые суды, которые взыскиваютъ съ крестьянъ убытки и возвращаютъ захваченныя земли, а не взысканныя суммы зачисляются недоимкой.

На Украинѣ, въ Польшѣ и Подоліи происходитъ то же самое. И хотя одинъ украинскій помѣщикъ, правый членъ 4-ой Государственной Думы Шульгинъ заявилъ: «я не хочу получить свою землю изъ рукъ австрійскаго солдата», но такихъ, надо думать, найдется немного.

Зачѣмъ нѣмцы стремятся возстановить у насъ «священную» частную собственность? Сейчасъ, во время войны,—

для того, чтобы легче выкачивать хлѣбъ изъ Россіи. По договору съ Украиной, напримѣръ, она обязуется вывезти въ Германію теперь же 150 милліоновъ пудовъ. Отъ помѣщиковъ, у которыхъ кое-гдѣ еще сохранились запасы зерна, сдѣлать это легче, чѣмъ у милліоновъ крестьянъ, которые дадутъ хлѣбъ лишь за товары, либо, когда его изъ нихъ вытянутъ податями. Пока не установлена *сильная* власть, податей тяжелыхъ наложить нельзя, а товаровъ у нѣмцевъ мало: мануфактуры и обуви нѣтъ совсѣмъ, найдутся лишь желѣзныя издѣлія, да машины, да и то не такъ много, потому что почти всѣ нѣмецкіе заводы работаютъ на войну.

Къ осени же (война и замиреніе, международное совѣщаніе о всеобщемъ мирѣ—протянутся, навѣрное, и на 1919 годъ), нѣмцы получатъ за деньги готовый хлѣбъ изъ возстановленныхъ господскихъ помѣстій, а изъ Украины еще и *сахаръ*, котораго у нихъ тоже нѣтъ. Для того, чтобы добыть сахаръ, надобно возстановить *свекловичныя* плантаціи, которыя на Украинѣ почти цѣликомъ лежатъ въ крупныхъ имѣніяхъ.

Послѣ войны нѣмцы постараются возстановить частную собственность не только въ захваченныхъ областяхъ и на Украинѣ, а и въ Великороссіи. Они это сдѣлаютъ, во-первыхъ, потому, что для нихъ крестьянъ, украинскихъ, бѣлорусскихъ, литовскихъ, прибалтійскихъ, галиційскихъ, прусскихъ, венгерскихъ и другихъ, у которыхъ тоже нужда въ землѣ — большой соблазнъ, если рядомъ съ ними, въ Великороссіи, будетъ земля принадлежать трудовому народу, а у нихъ по прежнему будутъ помѣщики владычествовать; во-вторыхъ, потому, что нѣмцы хотятъ *переселять* своихъ колонистовъ въ Россію. Возстановивъ у насъ господскую собственность, они скупятъ за дешево земли у разоренныхъ помѣщиковъ, которые не сумѣютъ устроить своего хозяйства и посадятъ туда колонистовъ, какъ дѣлали это въ Прусской Польшѣ. Въ Россію скоро пріѣдутъ нѣмецкія военныя комиссіи, которыя собираются, между прочимъ, образовать особые центры для германскихъ колонистовъ на югѣ.

Возстановятъ же они у насъ частную собственность и

доберутся и до пензяковъ, и до тамбовцевъ очень просто. Для этого имъ не нужно посылать свои войска вглубь Великороссіи. Великороссія сейчасъ *беззащитна*. Всѣ ея пограничныя крѣпости и укрѣпленныя границы въ рукахъ германцевъ. Народъ у насъ рабскій. Сейчасъ большевики правятъ имъ при помощи кучки красногвардейцевъ. Въ нужную минуту, при помощи черносотенцевъ, сметутъ германцы большевиковъ и посадятъ намъ *царя*, который будетъ дѣйствовать, какъ они прикажутъ. Царь и возстановитъ для нихъ священную частную собственность.

Когда возстановится частная собственность, къ этому же времени прихлынутъ изъ городовъ сотни тысячъ рабочихъ, потерявшихъ заработки. Прихлынутъ потому, что германцы, по договору забираютъ къ себѣ съ юга всю руду и все топливо, а англичане изъ Туркестана и американцы изъ Америки не дадутъ своимъ врагамъ ни одного пуда хлопка. Безъ топлива (каменнаго угля, нефти) безъ руды и безъ хлопка наши заводы въ Петроградскомъ и Московскомъ округахъ не смогутъ работать потому что для нихъ это все равно, что для человѣка хлѣбъ или иная какая пища. Безъ пищи человѣкъ погибаетъ; безъ топлива и сырья фабрика закрывается.

Будетъ убита наша промышленность и потянутся рабочіе назадъ въ деревню, гдѣ и безъ того настанетъ еще горшая *земельная тѣснота*, чѣмъ была до войны и революціи. Тогда можно было переселиться въ Сибирь, купить у помѣщика землю, уйти въ городъ, отправиться батрачить на югъ. Теперь югъ, почти что чужое царство,—украинско-австрійское; Сибирь—особая республика; изъ городовъ народъ самъ валомъ валитъ,—а вмѣсто одного помѣщика, сѣли въ деревнѣ десятки здоровенныхъ нѣмецкихъ колонистовъ и вмѣсто земельной воли будетъ земельная петля. И ежели и удастся нашему мужику перехватить въ аренду десятину-другую—такъ не за 20—30, а за 100 и болѣе рублей.

II. Товарная кабала.

Земельная петля—это первая. А будетъ и *вторая*, пожалуй, еще болѣе удушливая. Какъ ни бѣднилось наше крестьянство, а по правдѣ сказать, послѣ 1905 года, его

дѣла пошли въ общемъ, на улучшеніе. До войны купили крестьяне у господъ около 12 милліоновъ десятинъ; 3 милліона душъ переселилось въ Сибирь—тамъ получили 20 милліоновъ десятинъ, а на родинѣ землю продали, большей частью, малоземельнымъ. Расширили крестьяне немножко свои посѣвы; стали по мѣстамъ сѣять не одинъ зерновой хлѣбъ, а и *траву*—клеверъ, люцерну и *корнеплоды*—картошку, свеклу. Стали примѣнять плуги, косилки, молотилки, вѣялки, поднялись слегка и урожаи. Скота за это время также прибавилось, а у помѣщиковъ—убыло. Наконецъ, во время войны и революціи, разбогатѣли крестьяне и деньгами. Считаютъ, что изъ 25 милліардовъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ обращеніе, у крестьянъ скопилось не менѣе 10 милліардовъ.

Въ 1916 году по переписи оказалось въ 47 губ.

Изъ каждой сотни.

	У крестьянъ	У частн. владѣльц.	У крестьянъ	У владѣльц.
Подъ посѣвомъ милліон. десят.	68,7	7,7	89,3	10,7
Лошадей (милліоновъ головъ)...	21,6	1,4	93,9	6,1
Воловъ и коровъ (тоже).....	35,4	2,2	94,2	5,8

Слѣдовательно, до революціи у крестьянъ въ рукахъ уже было $^{9}/_{10}$ всѣхъ посѣвовъ, и $^{19}/_{20}$ крупнаго скота. Революція подарила крестьянину всю землю, весь остальной скотъ и инвентарь. Война принесла имъ деньги и послѣ нея крестьянское хозяйство должно было выйти на *широкія просторы*, если бы одно главное условіе для развитія улучшеннаго хозяйства оказалось на лицо.

Условіе это—*свободный рынокъ для продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ*.

Крестьянамъ часто говорятъ добрые люди: что вы все плачете о землѣ, поглядите на западъ Европы, тамъ какой-нибудь бельгіецъ, или голландецъ, или англичанинъ, или тотъ же нѣмецкій мужикъ,—какъ живутъ на 2-хъ, на 3-хъ, на 5 десятинахъ, какіе у нихъ урожаи—по 150, по 200 пудовъ съ десятины; какія коровы, дающія по полтора ведра молока, свиньи по 50 пудовъ! «Все это вѣрно», могъ бы отвѣтить русскій крестьянинъ. «Да, вѣдь иноземный мужикъ оттого такъ хозяйствуетъ, что онъ имѣетъ всегда

выгодный сбытъ вблизи себя. Тамъ городовъ много, городское населеніе въ четыре, пять разъ больше деревенскаго и горожанинъ за хорошіе продукты платитъ хорошую цѣну. Разные кооперативы снабжаютъ тамошняго мужика орудіями, сѣменами, удобреніями, у него есть порядочный капиталъ—дайте мнѣ все это и я заведу улучшенное хозяйство и густо-молочныхъ коровъ и 50-пудовыхъ свиней».

Такъ вотъ, товарищи, послѣ революціи и *удачливой* войны нашъ крестьянинъ сталъ бы вполнѣ на линію европейскаго и даже лучше его. У него была бы *вольная* земля, а у европейскаго мужика—земля *собственная*, либо арендованная; если собственная, такъ заложенная и перезаложенная. Капиталы и у русскаго мужика оказались, кооперація и у насъ развивается быстро, на всѣхъ парахъ догоняетъ европейскую, а главное условіе—*рынокъ*, также развернулся бы послѣ войны во всю ширину.

Западная Европа—особенно англичане и французы, да и тѣ же нѣмцы, охъ, какъ изголодались по хлѣбѣ, мясѣ, сахарѣ, маслѣ, льнѣ, яйцахъ, лѣсѣ. Еще въ 1916 году французскій министръ Герріо разсчитывалъ, что одного зерна для Европы понадобится послѣ войны — цѣлый милліардъ пудовъ, потому что посѣвы сократились вездѣ. Съ руками бы оторвали иностранцы нашъ крестьянскій хлѣбъ и взамѣнъ привезли намъ и машины и удобренія и сукна—горы всякихъ товаровъ.

Былъ бы огромный внѣшній рынокъ, расширился бы и *внутренній*; уже въ 20 вѣкѣ стали у насъ быстро расти города; по крайней мѣрѣ въ 1910 году у насъ было по всей тогдашней имперіи около 30 милліоновъ городскихъ жителей, а въ 1897 году не болѣе 16 милліоновъ. Послѣ войны надо было ожидать, что съ развитіемъ промышленности, города стали бы у насъ расти, какъ грибы послѣ хорошаго дождя. Всюду началась бы постройка желѣзныхъ дорогъ, разработка лѣсовъ, рудоносныхъ нѣдръ, вездѣ задымили бы фабричныя трубы, а каждый новый рабочій—это, вѣдь, двойная прибыль для крестьянъ: уходитъ лишній ротъ изъ деревни, а на свой городской заработокъ онъ покупаетъ хлѣбъ у бывшаго односельчанина. Словомъ, для мужиковъ очень выгодно, когда растутъ города внутри страны.

И все это захерилъ «похабный», германо-большевистскій миръ!..

Внѣшній рынокъ *цѣликомъ*, по договору, попалъ въ нѣмецкія руки.

Всѣ гавани Балтійскаго моря: Ревель, Рига, Либава, черезъ которыя шла третья часть нашего вывоза—въ нѣмецкихъ рукахъ. Всѣ концы нашихъ желѣзныхъ дорогъ на западѣ—тоже въ ихъ рукахъ. А черноморскіе порты—въ рукахъ украинцевъ, подвластныхъ австрійцамъ. Мы очутились, какъ будто въ избѣ, у которой окна и двери—въ рукахъ врага, который за позволеніе выйти изъ избы или что-либо вынести оттуда, будетъ брать, что захочетъ.

И прежде всего, нѣмецъ съ насъ возьметъ *высокія* пошлины. По мирному договору возстанавливаются высокія пошлины 1904 г.—по 38—56 коп. съ пуда зерна золотомъ. Цѣна золотой копейки въ октябрѣ 1917 года была пятачекъ бумажный. Теперь, благодаря тому, что комиссары навыпускали еще 8 милліардовъ, да закрыли всѣ банки и отказались платить за границу займы—нашъ рубль тамъ ничего не стоитъ. Послѣ войны, въ самомъ лучшемъ случаѣ, за него дадутъ гривенникъ. Значитъ, по цѣнѣ нашихъ бумажныхъ денегъ, русскій крестьянинъ, если повезетъ на рынокъ свой хлѣбъ, получитъ за пудъ на 4 рубля меньше, чѣмъ ему бы далъ торговецъ, когда бы нѣмецкихъ пошлинъ не было.

Понятно почему? Потому что цѣны на хлѣбъ устанавливаются *во всемъ мірѣ* болѣе или менѣе одинаковыя на главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ: въ столицѣ Англіи—Лондонѣ въ Германіи—Гамбургѣ и въ Нью-Іоркѣ (въ Америкѣ). Къ этимъ цѣнамъ приспособляются торговцы всего свѣта, разсчитывая сколько нужно скинуть за *провозъ* и за *пошлины*. Значитъ, если, скажемъ, въ Лондонѣ будетъ цѣна 2 рубля золотыхъ за пудъ (нашихъ бумажныхъ 20 рублей), такъ у насъ купецъ дастъ крестьянину не 20 рублей нашихъ бумажныхъ, а меньше на стоимость провоза, скажемъ рублей 5 нашихъ, да на пошлину 4 рубля—значитъ 11 рублей. Да сверхъ того, такъ какъ нашъ хлѣбъ пойдетъ на *нѣмецкихъ* корабляхъ и *нѣмецкими* желѣзными дорогами—нѣмецкіе хозяева и на провозномъ тарифѣ выгадаютъ.

Самимъ нѣмцамъ нашъ хлѣбъ почти не потребуется: они образуютъ *великую срединную имперію* изъ всѣхъ покоренныхъ ими областей,—стало быть, кромѣ Австро-Германіи, изъ Польши, Прибалтики, Литвы, Бѣлоруссіи, всѣхъ Балканскихъ государствъ, да Турціи; даже безъ Украины, они добудутъ изъ этихъ странъ *безпошлинно* столько хлѣба—ѣшь не хочу. До войны, вѣдь имъ своего хлѣба не хватало только на три мѣсяца. Теперь они будутъ кормиться доставкой изъ подвластныхъ земледѣльческихъ странъ, а русскимъ хлѣбомъ будутъ торговать съ западной Европой, которой безъ него голодно придется.

Внутренній рынокъ, какъ я говорилъ, у насъ не расширится, а съежится, можетъ быть, на половину, потому что великорусская промышленность будетъ германцами убита.

А все-же таки продавать хлѣбъ нашему мужику придется; придется потому, что за всѣ наши грѣхи, накладываетъ нѣмецъ на насъ *большія контрибуціи*: за содержаніе нашихъ плѣнныхъ до 3-хъ милліардовъ руб., за то что мы причинили убытки германскимъ подданнымъ, напримѣръ, согнали нѣмцевъ-колонистовъ съ ихъ земли, нѣмецкихъ купцовъ изъ ихъ магазиновъ и за многое другое, чего мы не знаемъ, потому что многіе пункты договора до сихъ поръ держатся отъ насъ въ секретѣ. Придется платить за внѣшніе и за внутренніе долги, которыхъ теперь накопилось до 60 милліардовъ, въ томъ числѣ иностранцамъ, *золотомъ* на 16 милліардовъ, значитъ, на нашъ бумажный счетъ—160 милліардовъ. Придется платить даже большевикамъ, которые согласились по договору выплачивать всѣмъ заграничнымъ держателямъ нашихъ бумагъ. А заграница у насъ теперь со всѣхъ сторонъ: и Украина, и Бѣлоруссія, и Литва, и Польша; скоро быть можетъ и самъ Петроградъ станетъ заграницей.

И платить будутъ *одни великорусскіе мужики* и несчастные рабочіе, потерявшіе заработки: ибо сказано въ договорѣ, что «бывшая принадлежность къ русскому государству отнятыхъ у него мѣстностей не накладываетъ на нихъ *никакихъ* обязательствъ по отношенію къ Россіи».

Всего же населенія въ 28 губ. Великороссіи (безъ Сибири) останется около 80 милліоновъ, вмѣсто 180 милліон.

Платите же крестьяне за тотъ миръ, которымъ васъ подарило нынѣ властвующее правительство комиссаровъ, именующихъ себя народными!..

Такъ вотъ какія удавныя петли накладываетъ германскій миръ на русскаго мужика. И гдѣ бы нашъ мужикъ ни сидѣлъ—въ Костромѣ или Пензѣ, на Волгѣ или на Днѣпрѣ—вездѣ нѣмецъ своей петлей его захлестнетъ.

И не думайте, какъ увѣряютъ большевики, что этотъ договоръ—пустая бумажка. Нѣмцы сейчасъ уже проводятъ его въ жизнь, да еще съ надбавкой. Не такой это народъ, чтобы онъ на вѣтеръ свои слова бросалъ. А германскіе рабочіе, про которыхъ говорятъ большевики, что они, какъ въ сказкѣ про Иванушку, поднимутся—не вѣрьте и этому.

Нашъ миръ нѣмцы назвали «хлѣбный» миръ,—за хлѣбъ же не бунтуются, а *благодарятъ*.

И не думайте, что, надѣвъ петлю себѣ на шею, вы освободились отъ войны. Нѣтъ разъ дѣло пошло о расхватѣ Россіи, разъ два міровыхъ союза дерутся за власть надъ всѣмъ міромъ, какъ бы братцы-крестьяне, не очутиться намъ въ положеніи маньчжурскихъ мужиковъ, въ русско-японскую войну, когда съ одной стороны русскіе, съ другой—японцы жгли ихъ села, палили ихъ съ двухъ сторонъ. Да и теперь, вѣдь идетъ гражданская война по всей Россіи.

Подумайте же, братцы-крестьяне, обо всемъ этомъ! Подумайте, да и рѣшайте: что же дѣлать?. Лѣзть ли въ петлю долговѣчную иноземную, садить ли въ нее дѣтей и внуковъ своихъ, или подняться на защиту погибающей родины, земли и воли?...